Про Тарокана, сына Заморенина

Как во стольнём во городе во Киёве
Как у ласкова князя да у Владимира,
Как у ласковой ой кнегины Апраксеей
Тут заводитсэ у солнышка а почесеен пир
Как на всех-де бояр да на толстобрюхиих,
Как на всех и-де крестьян да провославныих,
Как на всех на русских могучих на бога́тырей.
Кабы стол-от идёт-ту у них в полу́стола́,
Кабы пир-от идёт у них в полу́пира́,
Кабы солнышко ходит середи пола.
Кабы все-де на пиру да напивалися,
Все-де на честном да наедалися,
Уж как все на пиру да прирасхвастались.
Умный-от хвастает стары́м отцом,
А р<азумн>ый-от хвастает старой матерью,
Уж как глупой-от хвастает молодой женой.
С<олн>ышко ходит середи пола́,
Он в одной-де рубашке да сам без поеса,
Он в одних-де чеблетах да без чулочиков,
Он каблук-де о-а каблук и да поколачиват,
Тихо-смирную речь сам выговариват:
«Ох вы <как> все вы на пиру сидите́ поженены,
Добры дочери за вас да всё повыбраны,
Да я один-де хожу да не жонат живу,
Кабы кто мне нашёл ноньче супружницу,
Как супружницу нашёл да сполюбовницу,
Кабы можно было да мне её замуж взять,
Кабы можно-де было жоной ее назвать».
Уж как все-де на пиру да приюмолкнули,
Кабы все-де на честном да призадумались,
Кабы старой-от хоронитсэ за средьнего,
Кабы средьнёй-от хоронитсэ за меньшего,
Аж меньшой-от хоронитсэ за пришлого,
Кабы у пришлого у нишшего нонь ответу нет.
(Никто отвечать не хочет.)

Из того-де из-за столика передьнёго,
Как со той ли скамьи-лавки ай да всё дубовоей,
Тут вставаёт удалой доброй молодец,
Тарокан-от-де встает да сын всё Заморенин.
Он тихохонько ко князю подвигаетца,
Перед самым-де он князем да становитца,
Тихо-смирную речь да выговаривает:
«Ох ты ґой еси, солнышко Владимир-князь!
Ты позволь-ка мне, князь, слово молвити,
Но за это за слово не казнить меня,
Не казнить меня, да не вешати».
Говорит тут солнышко Владимир-князь:
«Ох ты ґой еси, Тарокан да сын Заморенин!
Говори ты слово, не утаивай,
За собой речь ты не удярживай,
Не будешь казнён, не будешь вешаный».
Говорит тут Тарокан да сын Заморенин!
«Я бывал-де, живал за сини́м морём,
За тем-де за морем за Хвалынскиим,
У того-де Семёна да Леховитого,
Леховитого-де Семёна да страховитого.
Уж как три-де года жил я да во ко́нюхах,
Уж как три-де года жил я во стольниках,
Уж как три-де года жил я во ключниках,
Поверена мне была да золота́ казна́.
Есь у Семёнушка три дочери:
Перьвая дочка есь Настасьюшка,
Она злая паленица да преудалая,
Ездит Настасья ко синю́ морю́,
Стреляет гусей да белых ле́бедей,
А проме́ж тем малы́х серы́х утёнышков;
Уж как вторая дочь да есь Апраксея,
Она статны́м-де статна́, полна возраста,
Русы коса́ да полна во́лосом,
Из косточки в кость мозг переливаетсе,
Скатно́й да жемчюг перекатаетсе,
Сквозь белую рубашку тело всюду видитьсе.
Уж как можно Апра́ксею тебе замуж взять,
И можно Семёновну женой назвать».

Говорит тоґда солнышко Владимир-князь:
«Ох ты ґой еси, Тарокан да сын Заморенин!
Поеждяй-ка ты теперь да за сине море
К тому-де Семёну да Леховитому,
Леховитому Семёну да страховитому,
Привези ты мне дочь Апраксею,
Наделю я тебя да золото́й казно́й,
Города тебе дам да с пригоро́дками,
Сёла дам да со присёлками».
Говорит тоґда Тарокан да сын Заморенин:
«Уж ты ґой еси, солнышко Владимир-князь!
Снареди-ка ты мне да три кораблика,
Три кораблика, да три червлёныих,
Нагрузи-ка их ты товарами,
Ты товарами да всё заморскими.
Дай ищо мне три бога́тыря:
Старо́го казака да Илью Муромца,
Добрынюшку сына Никитича,
Смелого Олёшу Поповича,
Добром не дадут — мы сило́й возьмём,
А не силою возьмём — смелостью,
А не смелостью, так хитростью».

(Дальше немного забыл.) Они привезли силою её. С Настасьей бились.
Добром не дали. Для того и
бога́тырей взяли. Илья Муромец, тот — сильный бога́тырь, Олёша — смелый.
Они силой и привезли.
Пир был, всё хорошо было.

(Зап. Астаховой А. М.: 5 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Дуркина Павла Федоровича, 54 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.